

М.Д. Чертыкова

д.ф.н., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Республика Хакасия, Россия (e-mail: chertikova@yandex.ru)

**Концептуальное пространство «лень и нежелание действовать»
в хакасской языковой картине мира**

Аннотация

Историческое развитие общества показывает, что наиболее важным, а, может, единственно надёжным, условием жизнедеятельности человека является труд. Благодаря труду человек формируется как личность, приобретает знания и умения, обеспечивает себе и своим близким благополучные условия жизни, удовлетворяет свои естественные и социальные потребности и т.д. Статья посвящена лингвокультурологическому описанию разноуровневых лексем со значением лени и нежелания действовать на материале хакасского языка. Исследуемое концептуальное пространство представляет собой сложную и неоднородную систему. Внутри него мы выделяем две взаимосвязанные и взаимодополняющие модели языковых единиц: а) лень, как свойство характера человека; б) нежелание действовать, как временное состояние человека. Лексические единицы, представляющие эти модели на коммуникативно-прагматическом уровне, имеют как общие, так и отличительные семантико-когнитивные особенности.

Ключевые слова: концептуальное пространство, лень, нежелание действовать, семантика, модель, хакасский язык.

M.D. Chertykova

Doctor of Science Philology, Khakass State University of N.F. Katanov
Abakan, Republic of Khakassia, Russia (e-mail: chertikova@yandex.ru)

**Conceptual Space «Laziness and Unwillingness to Act» in the Khakass
Language Picture of the World**

Abstract

The historical development of society shows that the most important, and perhaps the only reliable, condition for human life is work. Thanks to work, a person is formed as a person, acquires knowledge and skills, provides himself and his relatives with favorable living conditions, satisfies his natural and social needs, etc. The article is devoted to the linguoculturological description of multilevel lexemes with the meaning of laziness and unwillingness to act on the material of the Khakass language. The studied conceptual space is a complex and heterogeneous system. Inside it, we distinguish two interrelated and complementary models of linguistic units: a) laziness, as a property of a person's character; b) unwillingness to act as a temporary condition of a person. The lexical units representing these models at the communicative-pragmatic level have both general and distinctive semantic-cognitive features.

Keywords: conceptual space, laziness, unwillingness to act, semantics, model, Khakass language.

1. Введение

Языковая картина мира любого народа складывается в результате интеграции культурных, духовных и мировоззренческих стереотипов, сформированных в процессе исторического развития данного общества. Среди прочих жизненно важных составляющих традиционного мировидения является культ труда. Историческое развитие общества показывает, что наиболее важным, а, может, единственно надёжным, условием жизнедеятельности человека является труд. Благодаря труду человек формируется как личность, приобретает знания и умения, обеспечивает себе и своим близким благополучные условия жизни, удовлетворяет свои естественные и социальные потребности и т.д. «Независимо от того, нацелена трудовая деятельность на коллективный или индивидуальный результат, она является частью социализации любого члена общества. В связи с этим, человек, который с охотой участвует в работе или, наоборот, уклоняется от нее, подвергается оценке через призму социальных норм, ценностей и стереотипов» [1, с. 63]. Из сказанного следует, что, исходя из ряда мотивационных причин, человека характеризует два противоположных отношения к труду: положительное и отрицательное. И, как правило, концептуальное пространство «трудолюбие / лень», как и другие культурные концепты, получает оформление в языке, ориентированном на выделение определённых понятийных слоёв в данной плоскости. Здесь решающим фактором является оценочный смысл, реализующий идеи трудолюбия и лени на разных уровнях концептуального пространства. Во внутренней структуре лексико-семантического поля «отношение человека к труду» выделяется ядро «трудолюбие / лень», смысловое наполнение которого реализуется через связь с близлежащими секторами.

Цель статьи заключается в лингвокультурологическом описании языковых данных концептуального пространства «лень и нежелание действовать» и выделении его специфических символов и номинаций в русле семантико-когнитивного анализа. Материалом исследования являются языковые данные, собранные из литературных и фольклорных источников хакасского языка.

Исследуемое концептуальное пространство представляет собой сложную и неоднородную систему. Семантика лени в толковых словарях русского языка характеризуется как безделье и нежелание трудиться. Только в толковом словаре под редакцией Д.В. Дмитриева

мы находим более подробное описание лени. Авторы словаря выделяют всего шесть разновидностей лени, но нам интересны четыре пункта, семантически приближенные к анализу нашего материала: «1) Ленивым называют того, кто не любит работать, избегает труда, лишних движений, не хочет ничего делать. *Ещё в детстве, когда я учился играть на рояле, учительница говорила моей маме, что я способный, но ленивый*; 2) Ленивым могут назвать что-то, что выражает нежелание работать, затруднять себя. *Ленивая поза. Ленивый взгляд. Разомлевший от чаю дворник поглядывал на нас из своего угла с ленивым любопытством*; 3) Ленивым могут назвать период времени, полный бездействия, праздности, когда не нужно ничего делать. *Ленивая дачная жизнь. Ленивые летние дни. Она подумала, что действительно таких денег хватит на много лет ленивой жизни*; 4) Когда движения, походку и т.п. называют ленивым, то имеют в виду, что эти движения медлительны и неторопливы, вялы. *Ленивое движение руки. Ленивый кивок. Подтягиваясь, собака поднялась навстречу хозяину и ленивым шагом подошла к нему; {...}*» [6, с. 336]. Как видим, семантику лени не следует рассматривать однозначно. Структура данного понятия включает разнообразные подвиды демонстрации лени в зависимости от желания, физического и психологического состояния субъекта, определённого времени, наличия (в данном случае, отсутствия) поставленной цели и т. д.

Таксономическую неоднозначность понятия лени можно проследить на примере интерпретации базовой лексемы со значением лени *аргаас*, представленной в Хакасско-русском словаре: *аргаас* 1. 1) лень; 2) лодырь, лентяй; *аргаасха кун узун* для лентяя день бесконечный; *аргаас тогынарга хынминча* лодырь не хочет трудиться; 2) ленивый; *аргаас кизи* ленивый человек; *аргаас полба* не будь ленивым; □ *аргаас ардатча, кудук азыранча* посл. лень портит, а проворство кормит [7, с. 74]. В данной словарной статье субстантивные варианты понятия лени и ленивого [человека] выражают постоянное качество человека. Однако при сочетании с объектным инфинитивом лексема *аргаас* может расширять семантику в плане отражения ситуативных и временных структур. В данном случае он обозначает состояние расслабленности субъекта: *тогынарга аргаас* «лень работать», *кинде хыгырарга аргаас* «лень читать книгу» и т.д. Также действует глагол, образованный от *аргаас* при помощи глаголообразующего аффикса **-тан-**: *аргаастан-* «лениться, лодырничать; *аргаастанып тогынминча* [он] не работает из-за лени,

лодырничают; *парарга аргаастанча* [он] ленился идти; *оолах ўзренерге аргаастанча* мальчик ленился учиться» [7, с. 74]. Коммуникативно-прагматический аспект фоновых знаний о ситуации, выражаемым глаголом **аргаастан-** «ленился, лодырничать», допускает, что субъект, возможно, и не ленив, но только в данной ситуации или временной отрезок времени, считает нецелесообразным совершение именно данного действия: *яблах хазарга аргаастанарга* «ленился копать картошку»; *концертке парарга аргаастанарга* «ленился пойти на концерт», *чоохтазарга аргаастанарга* «ленился разговаривать» и т.д. *Хынминчам, кизи согарга аргаастанчам, чаргыладыбызары даа ўр нимес* (X, 24) – Не хочу, мне лень (букв. ленюсь) бить людей, могут и в тюрьму посадить. *Онсарныц ипчизи огород одирга ынанмин, суз хастади нас чорче* – Жене Онсара лень полоть огород, и она ходит возле речки.

Как видим, концепт «лень» содержит различные понятийные слои, проявляющиеся в образных, ассоциативных и оценочных компонентах языковых средств. Далее рассмотрим коммуникативно-прагматические и семантико-когнитивные параметры номинаций лени и нежелания действовать в рамках мотивационных когнитивных моделей «лень как свойство характера человека» и «временное состояние человека: нежелание действовать».

2. Лень как свойство характера человека

Фольклорные жанры, в особенности, пословицы и поговорки наиболее ярко позволяют реконструировать образ человека и выделить разнообразные черты его характера. Пейоративная оценка лени, как такового свойства характера, и ленивого человека, как чуждого элемента в обществе, зафиксирована в паремиях разноязычных народов. В хакасском пословичном описании ленивого человека акцентируются такие его черты, как бестолковость, безответственность, безликость, дармоедство, склонность ко сну и т.д.: *Арыг иттең ўс сыхпаан, аргааснаң тогыс пўттеен* (Xc, с. 31) – Из постного мяса жира не будет, с ленивым работа не пойдёт. *Чылысхы чылан игірін пілінмес, чылхазы чох кизи хомайын пілінмес* (Xc, с. 55) – Змея не замечает своей кривизны, нерасторопный – своей бестолковости. *Тогынарга аргаас, таңах идіне өстіг* – Работать не любит, а курятину есть любит (Xc, с. 31). Также в паремическом творчестве отражаются разнообразные аспекты жизнедеятельности ленивого человека. Его портретные характеристики свидетельствуют о

том, что он бесполезен в обществе, т.к. неспособен к труду и сознательно уклоняется от работы. Тем самым оценка и образ лентяя основываются на морально-этических нормах поведения человека в обществе.

Языковое отражение компонентов, зафиксированных в семантике лени, обусловлено открытостью семантико-синтагматических маркировок и оценочных смыслов. А.Д. Каксин в своём исследовании образа человека труда, в частности, ханты, отмечает, что принципами языкового воплощения данного образа являются опора на лексико-семантическое словообразование как естественный способ категоризации, создание семантической и структурной соотнесенности между единицами текста и их подчинение целевой установке автора. А также модели номинации и характеристики человека труда в хантыйском языке обусловлены результатами когнитивной деятельности ханты [3, с. 182]. Идея лени, как семантико-когнитивная модель отрицательного отношения человека к труду, в хакасском языке реализуется различными лексическими средствами, например, субстантивными лексемами: **иринчек** 1. лодырь, лентяй; *иринчек полба* не будь лодырем; 2. ленивый; *иринчек оолах* ленивый мальчик; □ *иринчек кизиниң ирнi хуруг, иринмес кизиниң ирнi чаглыг* посл. у ленивого человека губы сухие, а у трудолюбивого – в масле; *иринчек кизи одырып узупча, чадып тогынча* посл. ленивый сидя спит, а лёжа работает [7, с. 133]; **ынанмас** *суц и прил.* 1) ленивый; 2) лентяй, лодырь; *см. иринчек*; *ынанмас кизи* ленивый человек; 3) тяжёлый на подъём, немощный человек; *ынанмас пол парарга* стать тяжёлым на подъём; *ынанмас нимее читпес* посл. ленивый не разбогатеет [7, с. 1041] и др. Примеры: *Ол мында парчатхан эринчек оол-хыстарны, пiр дее нимее салбин, ачыг тiлнең ачыт сыххан* (Чкч, 146) – Он ни во что не ставит здешних ленивых девушек и парней, и при удобном случае может их оскорбить. *Ол аргаас, iзечi. Романны чахсы оол полар тiп сагынгам. Арага iскенин кiрбеем* (X, 13) – Оказывается, он лентяй, пьяница. Раньше я думал, что Роман – хороший парень. И не видел его пьяным. На тему лени в хакасском языке также активно используются фразеологизмы, словосочетания, синтаксические структуры и клише. При описании лентяя часто обращается внимание на его руки: *холы хысха* «руки коротки (что-либо делать)», *азыр (тырбас) холлыг* «[у него] руки как виллы (грабли)» и т.д. В стереотипном сознании народа руки представляются как инструменты для работы и созидания, но руки лентяя данное предназначение не оправдывают.

Поскольку традиционно считается, что ленивый человек – нахлебник семьи и общества (*артых харын* «тунеядец; букв. лишний желудок»), обращается особое внимание на то, что и как он ест: *Хырых ахчаа ис аныбинча, хазан түбін хаарта чалганча* – Даже 40 копеек зарабатывает, а съедает всё, что есть в котле. *Тогынарга аргаас, таңах идіне өстіг* – Работать не любит, а курятину есть любит. *Холнаң тамах чіпче, харнынаң тогынча* (Хс, с. 31) – Руками ест, как ртом, трудолюбивый животом. Считается, что лентяй даром ест пищу и живёт за счёт других. Процесс осуществления лентяем незаслуженного принятия пищи получает предосудительную оценку и в других культурах, например, каз.: *Сау адамның тамағын ішіп, ауру адамның ісін істейді* – Как больной работает, как здоровый лопаёт (Қазақтың ..., 2007: 51); русск. *Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать*.

Характеризующие ленивого человека слова образуются также при помощи отрицательного аффикса причастия будущего времени: *тогынарга хынмас* «не любящий работать», *хыймыхтабас / хыймыранмас* «не шевелящийся». *Хайдаг тогынарга хынмас шоолган пол пардың син!* (Пт, 7) – Какой же ты ленивый (букв. не любящий работать) окаянный! Отметим, что в хакасском языковом сознании шевеление (**хыймыра-** / **хыймыхта-** «шевелиться»; **хыймыраныс / хыймыхтаныс** «шевеление»), возможно, под влиянием русского языка, ассоциируется с работой и предприимчивостью, а нешевеление – с вялостью и бестолковостью. – *Хости полганнаң хорап парбас, - ідök ойнап нандырча Таначах. – Мин пеер дее одырам, хыймырирга кирек олох таа* (Аух, 28) – От того, что рядом [сидеть], не убудет, – так же шутя отвечает Таначах. – А я сюда сяду, всё-равно надо управляться по дому.

Представление синонимического ряда лексем, характеризующих ленивого человека, в Словаре синонимов хакасского языка, можно считать наиболее категоричным, поскольку здесь семантика лени демонстрируется исключительно как таковое свойство характера человека: «**АРҒААС** «лень, лодырь, лентяй; ленивый». *Арыг иттең үс сыхпаан, аргааснаң тогыс пүттеен* (посл.); **ЧЫЗЫҒ** II «перен. неповоротливый, медлительный, ленивый, лентяй». *Чызыг кизилерге амды сидик; чалты* «лень; лентяй, лодырь; разгильдяй; ленивый». *Андаг чалты поларга чарабас; ынанмас* «ленивый; лентяй, лодырь». *Ынанмас ирдің сидені талалых ла поладыр; эрінчек / ирінчек* «ленивый; лодырь, лентяй». *Ирінчек кизе күннің поэырах. Эрінчекке*

*kızıler dee хынминчалар; хыймыранмас «перен. неповоротливый, нерасторопный, ленивый». Саңай даа хыймыранмас ипчи ползын, чоохчаах ла сугыстыр чөрбезін, – күңүреен ол (Т, с. 97); көзейген / көзерген «лентяй; ленивый, неповоротливый». Көзейгеннің ибі көс парир; көзө «ирон. ленивый, непробиваемый, твердолобый». – Анда синің ноо киреен? – атыла түскен оол, – саңай даа көзө полза чи (Пт, с. 30); көзөн «ленивый». Ой, палам, палам, көзөнім – сағыссырапча ічезі, – көр, аңдарыл пардың (П-о, с. 104); кўскінчек «ленивый, инертный». Ала саасхан аалдаң сых полбинча, Кўскінчек ибін арыглап полбинча (погов.)» (5, с. 29-30). Оценочные коннотации отрицательного отношения к труду, закреплённые в данных синонимичных словах и иллюстрирующих их семантику примерах, обусловлены народным опытом, накопленным в процессе общественного развития. Лень относится к отрицательным качествам человека. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля лексему *лень* определяет как «неохота работать, отвращение от труда, от дела, занятий; склонность к праздности, к тунеядству» [<https://gufo.me/dict/dal/%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C>]. В хакасском традиционном понимании, лень – это зло, с которым нужно бороться, а ленивый человек всегда порицается и считается чуждым элементом в обществе: *Тогынарга аргаастанып тисчелер, прайзын харибге одыртарга кирек* (П, с. 77) – Они не хотят (ленятся) работать и бегут отсюда, таких надо сажать в тюрьму.*

В хакасском языке реализация принципа осуждающего характера ленивого человека прослеживается, в основном, в базовых номинациях лени: *аргаас; ирінчек* и др.: *Пу даа кізілер аргаас пол партырлар. Малларын симірте азырап полбинчалар* (Хч, 10) – Эти люди стали совсем ленивыми. Не могут откормить свой скот. *Полысчым ирінчек. Иртен кил ұр узупча. Нымзанзам, испинче, Хырыссам, міні сох тиргедег* (Х, 31) – [Мой] помощник лентяй. По утрам спит долго. Если говорю сделать что-нибудь, не слушается. Если поругаю, меня же хочет побить.

Семантика лени часто граничит с медлительностью, нерасторопностью и бестолковостью. *Сарыспинчам, пістің чон чодым, арагаа ла чаба чатхан, че сірер, настыхтар, чоннаңар сағыссырабинчазар, постарыңа ла чуртапчазар* (Ах, 66) – [Я] не спорю, наш народ медлительный (нерасторопный), только водку пить горазд, но вы, начальники, не заботитесь о народе, живёте только для себя. Хотя такие понятия, как медлительность и нерасторопность

могут быть свойством характера субъекта. Но при вхождении этих качеств в семантический комплекс лени, они получают негативную оценку со стороны.

Или же ленивый человек, наоборот, может быть активным – проводить время беззаботно, без цели и без пользы, шляясь везде: **анда-мында сабыл чөр**- «проводить время бесцельно; букв. шляться то там, то тут», **чайыл чөр**- «шляться» и др.: *Тогынмин даа, үгренин дее, анда-мында сабыл чөрче* – [Он] и не работает, и не учится, шляется везде. Идея «праздный образ жизни лентяя» на мотивационном уровне сближается с семантическим полем языковых единиц со значением «гулять»: **күлет сап**- «гулять», **күлеттеп чөр**- «вести разгульный образ жизни», **күден сап**- «гулять; веселиться» и т.д. По свидетельству А.Д. Шмелёва, в семантике русского глагола *гулять* также содержится элемент «свободы выбора, отсутствия стеснений и необходимости выполнять скучную, рутинную работу» [8, с. 87]. Слияние идей безделья и гуляния в русском языке также получает негативную общественную оценку, поскольку «ключевым звеном в логике появления модели «гулять» → «бездельничать» является представление о замене целенаправленной полезной деятельности другим времяпрепровождением» [2, с. 118].

Представление о бестолковости легко согласуется с мнением о лодыре, как о неумелом работнике и бесполезном члене общества, который может вызывать раздражение у окружающих. Такой человек характеризуется как: *чылхазы чох кизи* «а) неэнергичный (пассивный), медлительный человек; б) бестолковый, нерасторопный человек» [7, с. 1021]; *толказы чох* «бестолковый»; *ниткези чох* «нерадивый; ленивый; букв. без затылка»; *ниткези халын* «нерасторопный; медлительный; букв. с толстым затылком» и др. Соматизм *нитке* «затылок» в хакасском мировидении ассоциируется с отношением человека к труду. Наши предки по особым признакам затылка могли определить, человек трудолюбив или ленив: *Чоон нитке чоңнанчых* (Хс, 2014: 31) – Толстый затылок ленив. Также ранее считалось, если на затылке имеется заметная впадина, значит этот человек ленивый: *Ниткезинде оймахтыг кизи чызыг полчаң* – Человек со впадиной на затылке бывает ленивым.

К данной же категории смысловых сочетаний, обозначающих бестолкового, бесхарактерного и ленивого человека относятся дублетные выражения: *нимее чарачаң ма, нимее чарабас, нимее чарабаан* «букв. ни на что не годный», характеризующими

бестолкового человека, соотв. русск. ни рыба, ни мясо. *Нимее чарачаң төл полар ба пу?! Тура даа алнын сыбырарга сыдабинчалар, ызоларын даа сыгаргалахтар* (Пт, 10) – На что годятся эти дети?! Не могут даже крылечко подмести, и телят ещё не выпускали.

Как известно, чтоб избежать какой-либо работы, ленивый человек обычно хитрит, притворяется, обманывает. Принцип пейоративной оценки образа лентяя чётко прослеживается в семантике и других близлежащих концептуальных структур. В языковом выражении данное поле дополняется блоком номинаций на тему хитрости, обмана, которые выражают ситуативное значение лени: **сүмелен-** «1) хитрить; 2) притворяться»; **көйтiктен-** «1) хитрить; 2) изворачиваться; 3) притворяться»; **чойлан-** «лгать; обманывать» и др. *Сүмеленiп, тогысты айныт полбассың* погов. – Хитрить на работе – не на пользу делу. *Сүмненчiктiң iзi нүтпес* (Хс, с. 18) – У копуши дело не делается. *Көйтiктенме, нар тогысха!* – Не хитри (не притворяйся), иди на работу! Постоянные действия субъекта, мотивированные свойством его характера – ленью, обозначаются сочетанием названных глаголов с вспомогательным глаголом **чөр-** «букв. ходить»: **сүмелен чөр-** «1) хитрить; 2) притворяться»; **көйтiктен чөр-** «1) хитрить; 2) изворачиваться; 3) притворяться» и т.д. *Каскар, тогынарга хынмин, сүмелен чөрче* – Каскар хитрит (притворяется), чтоб не работать. К этому же лексическому блоку, взаимодействующему с концептом «лень», относятся и прилагательные типа *көйтiк* «1) хитрый; 2) изворотливый», *чодым* «медлительный», *сүмненчiк* «1) хитрый; 2) медлительный»; *чой* «врун» и др. Данные глагольные единицы входят в периферию концептуального пространства лени. Их ассоциативная и прагматическая близость к номинативной модели лексем со значением лени в контекстуальных условиях также релевантны для образной характеристики ленивого человека. По сути, такие лексемы отражают фоновые знания об образе ленивого человека, участвующие в процессах понимания и порождения высказывания.

Здесь также надо учитывать субъективно-оценочный характер реализации лексем со значением лени. *Оларның алыларына көп чүгүргем, анаң, түк ахказына харанып, мині аргаас тіп, чистем сүрiбiскен* (Х, с. 30) – Я многое сделал для них (букв. много бегал перед ними), затем [мой] зять, скупясь на деньги [от продажи] шерсти, обвинил меня в том, что я ленивый, и прогнал меня. *Романның иткен нимезiн көңiне кирбин, хыртаңнап, хырызар ла сылтағ кілепче, аргаас паза көйтiк тіп хоптан чөрче* (Х, с. 28) – [Ему] всё время не нравится

то, что делает Роман, постоянно на него раздражается, всё ищет повода, чтоб отругать его, жалуется, что он ленивый и хитрый (или лентяй и хитрец). Из этих примеров видим, что признавая или утверждая кого-либо ленивым, субъект (говорящий) выражает своё собственное мнение, которое, возможно, не соответствует действительности. Индивидуализированный субъективный смысл такого утверждения обычно передаётся при помощи связки *тiп* (деепричастная форма глагола *тi-* «говорить; сказать»), которая теряя своё основное значение выполняет служебную функцию. *Ирлер, тогынарга хынглабин, ханым ардап парган тiп, арага iскеп турлар* (П, с. 177) – Мужчины, не хотят работать, говорят, что у них кровь испортилась и всё время пьют водку. В данном предложении связка *тiп* служит для передачи оправдательного смысла нежелания работать. Разнообразные семантические особенности функционирования общетюркской скрепы *тiп / деп / диye* в предложениях описаны в работах Л.А.Шаминой [8] и др.

Субъективная оценка номинаций лени выражается также формой второго лица, т.е. в непосредственном обращении к «ленивому» человеку: *Рома, синiң учуң настыхтарга нинчезiн салдадарбың? Тогын полбинчазың, нан. Читсiң, аргаасың. Хайдаг ла алаамдыр хыс парар ни сагаа? Хат таа ал поларзың ма син?* (X, с. 39) – Рома, сколько раз ещё начальники будут ругать (букв. грызть) меня из-за тебя? Если не можешь работать, езжай домой. Ты молодой и ленивый. Какая дура выйдет за тебя замуж? Да и сможешь ли ты жениться?

В хакасском языке редко встречается использование анималистических эпитетов для выражения образа ленивого человека. *Олар тогынмин чада чiпчеткен трутеньнернi сыгара сүрiбiзедiрлер* (П, с. 72) – Они прогоняют таких трутней, которые, не работая, только жрут, лёжа. Такие сравнительные обороты, скорее всего, можно отнести к авторским изобразительным средствам.

Утверждение о том, что кто-либо ленив, обычно исходит от наблюдателя (говорящего). *Олар даа, чаада ла чöрiп, тогысха аргаас полглап пардылар* (П, с. 177) – И они тоже постоянно воевали и разучились работать (букв. стали ленивые для работы). В противопоставление данной семантико-когнитивной установки реализация модели «нежелание действовать» часто акцентирует внимание на самом говорящем, т.е. частотны конструкции от первого лица.

3. Нежелание действовать как временное состояние человека

Как мы уже отмечали, лень, с одной стороны, может представлять постоянное свойство человеческой природы, а с другой, – может быть временным состоянием человека, у которого нет достаточной мотивации тратить энергию и силу для совершения того или иного действия; «... лень отличается от нежелания совершить действие тем, что осознаётся как некоторое особое состояние (ср. голод vs) желание есть» [4, с. 106]. Соответственно, в языковом выражении содержание лексем со значением лени имеет сложную многослойную структуру, однако названные признаки семантики лени уточняются при реализации в контексте.

Как и в случае взаимодействия семантико-когнитивной модели «лень, как свойство характера» с близлежащими лексическими группами, лексемы, выражающие временное состояние человека, «нежелание действовать» также соприкасаются с определёнными группами слов. Фоновые знания о нежелании субъекта действовать включают физиологические, эмоциональные и рациональные признаки.

В русском языке подобная онтологическая сущность разновидности лени прослеживается в реализации наречия *неохота*. И.Б.Левонтина в своей статье «Ното piger» приводит три типа состояний, прослеживающихся в употреблении синонимов *лень* и *неохота*: 1) физическая расслабленность, истома или оцепенение; 2) определённое душевное состояние – паралич воли, когда человек не может собраться и побудить себя приступить к какому-либо действию; 3) состояние ума – некоторая рациональная установка, нежелание человека совершать бессмысленные действия, тратить силы впустую [4, с. 106–108]. В хакасском языке описанные типы состояний обозначаются разноуровневыми лексемами со значением лени, например,

а) глаголами со значением лени / нежелания действовать: **ирін-** / **эрін-** лениться; *үгрeнeргe ирiнeргe* лениться учиться [7, с. 133]; **күскүн-** лениться, тяготиться делать *что-л.*; считать тяжёлым, тягостным; делать *что-л.* нехотя; *парарга күскінчeм* [я] ленюсь ехать; *пала аларга күскінчeм* мне тяжело (тягостно водиться с ребёнком); *турарга даа күскінчeм* [я] встаю с трудом (тяжело) [7, с. 220]; **ынанма-** «не удосужиться, не мочь *что-л.* делать; лениться» *Апсаам хутух арыглицга даа ынанминча* [5, с. 14] и др. Из названных последние два глагола имеют обширную семантическую структуру, поскольку

помимо обозначения лени и нежелания что-либо делать, в контексте могут выражать нахождение субъекта в состоянии расслабленности, истомы и недомогания. *Хой хадарарга күскүнчөм* – Мне тяжело пасти овец. Данное предложение можно интерпретировать двояко: а) у меня нет особого желания пасти овец; б) мне тяжело пасти овец, потому что я недомогаю. В первом случае транслируется идея нежелания совершать определённое действие исходя из внутренних побуждений, а во втором – объективная причина, связанная со здоровьем субъекта. Доминантой данного синонимического ряда является глагол **аргаастан-** «лениться, лодырничать», покрывающих общую сему глаголов данного ряда. *Суға сомарга парбастын, аргаастанчам* – [Я] не пойду купаться, мне лень.

б) свободными и несвободными (нечленимыми) словосочетаниями: **пир дее ние итпеске-** «ничего не делать»; **пиленге одыр-** «сидеть, сложа руки; сидеть на готовом», **тогысха чайалба-** «быть неспособным к работе; букв. не быть созданным для работы» и др. Надо отметить, что в основе подобных лексических образований лежит образное переосмысление выражаемого процесса, коммуникативные стратегии которых носят прагматический характер. *Хан чогыл – үлгү чогылох, хайди хынзаң, иди чурта! Син, тізең, «пир дее ние идерім килбинче».* Э-эк, *харындас, миңиң сини осхас күзім полган полза...* (Пт, с. 7–8) – Царя нет – власти нет, живи как хочешь! А ты [говоришь], «ничего не хочу делать». Э-эх, брат, была бы у меня сила, как у тебя... *Ортыноол харындазы орта перінче: пир дее ние иттинчезің тін* (Пт, 8) – [Его] брат Ортыноол правильно ворчит, мол, ничего не делаешь. *Пар, тогын, пиленге одырба* – Иди, работай, не будь дармоедом (букв. не сиди на готовом). *Син тогысха чайалбаан кізің, че, тігі... пасха кізілернің чүрекерін өріндірерге ...* (П, 57) – Ты создан не для работы, а для того, чтоб радовать сердца людей. Семантика нежелания действовать данных словосочетаний в предложении могут уточняться наречиями, наречными сочетаниями, а также деепричастиями времени или места: *Пүүн пир дее ние итпедім* – Сегодня [я] ничего не делал. *Таня, аалзар парза, прайзы аның алныкистіне ойлапча, ол, тізең, пиленге ле одырча* – Таня, когда приезжает в деревню, все её обхаживают, она только сидит на готовом.

в) субстантив + **кил-** «букв. приходит». В данном случае вспомогательный глагол кил- «букв. приходит» принимает аффиксы отрицания и лица. По свидетельству А.А. Юлдашева сочетания с **кил-** «букв. приходит», которых он называет модальными оборотами,

наиболее распространены и широко употребительны и в других тюркских языках. Например, *косасы килэ* в якутском, *куску келир* в тувинском «тошнит» [10, с. 309]. При выражении нежелания субъекта действовать семантика первого компонента – субстантива – ограничивается обозначением психической, трудовой и физической деятельности человека: *тогынарым килбинче* «не хочу работать; неохота работать», *үгрөнерім килбинче* «не хочу учиться; неохота учиться»; *чичең нима идерім килбинче* «не хочу варить; неохота варить». *Военкоматтаң иирде повестка килген, че Петьканың Тастыпсар парары килбеен* – Вечером из военкомата пришла повестка, но Петьке не хотелось (неохота) ехать в Таштып. *Онсарның ат чортырары килбеен, Мочар даа тапсабаан* (Пт, 16) – Онсару не хотелось ехать мелкой рысью на лошади, а Мочар молчал. В подобных примерах выражается нежелание субъекта тратить усилия и энергию на совершение определённого действия; причём это нежелание исходит от собственных интересов субъекта. Также они часто употребляются с аффиксом первого лица, т.е. субъект высказывает свою позицию, а возможно, и точку зрения, в отношении каких-либо действий, поэтому они лишены отрицательной оценки, как в случае с ленью – постоянным свойством характера человека. И.Б. Левонтина такую же характеристику даёт русскому *неохота*, «выражающему внутреннюю точку зрения на состояние человека, очень естественно, даже с некоторым оправдательным оттенком, употребляется по отношению к себе и не всегда уместно по отношению к другому» [4, с. 111].

Следует также выделить основные способы уточнения дифференциальных элементов в семантике лексем со значением нежелания действовать:

а) её реализация в форме первого лица. *Чистек – мискелер теерерге аргаастанчам* – [Я] ленью собирать ягоды и грибы. В плане соотношения лени и нежелания действовать человек предпочитает говорить о собственной лени, как о временном моральном, душевном и физиологическом состоянии, нежелании тратить энергию и усилия на те или иные действия;

б) сочетание с глаголом – инфинитивом, указывающим на действие, совершение которого нежелательно для субъекта. Прагматическое понимание ситуации допускает, что возможно, человек и активен, и трудолюбив, но только в данный момент у него нет желания (неохота) совершать именно это действие.

4. Заключение

Концептуальное пространство «лень» представляется сложным и неоднозначным образованием. Внутри него мы выделяем две взаимосвязанные и взаимодополняющие модели языковых единиц: а) лень, как свойство характера человека; б) нежелание действовать, как временное состояние человека. Лексические единицы, представляющие эти модели на коммуникативно-прагматическом уровне, имеют как общие, так и отличительные особенности. Постоянное свойство характера – лень – нашло отражение в субстантивных лексемах, характеризующих и называющих ленивого человека, например *аргаас* «ленивый; лентяй» и др. В описании образа ленивого человека участвуют также глаголы, причастия будущего времени с отрицательным аффиксом, а также другие лексемы, выражающие фоновые знания о лени из близлежащих лексико-семантических группировок. Понятие лени граничит с такими понятийными слоями, как медлительность, нерасторопность, бестолковость и т.д. Для данных лексем характерна субъективная оценка, поэтому употребление лексем со значением лени в первом лице невозможно. В противопоставление данной семантико-когнитивной установки реализация модели «нежелание действовать» часто акцентирует внимание на самом говорящем, т.е. частотны конструкции от первого лица.

Лексемы, выражающие нежелание действовать, также соприкасаются с определёнными группами слов. Фоновые знания о нежелании субъекта действовать включают физиологические, эмоциональные и рациональные признаки. Отличительным условием рассматриваемых лексем является временной фактор: лень, как свойство характера, постоянно, а нежелание действовать является временным явлением. Также основными способами уточнения дифференциальных признаков в семантике лексем со значением нежелания действовать являются сочетание с глаголом – инфинитивом, указывающим на конкретное действие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерёмкина М.А. Образы социума в мотивационной семантике лени и трудолюбия // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2017. №3. С. 63–69.
2. Ерёмкина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: Монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. университета, 2014. 204 с.

3. Каксин А.Д. Когнитивные аспекты реконструкции образа человека труда (по данным хантыйского языка) // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 4. С. 182–196.
4. Левонтина И.Б. Homo piger // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 105–114.
5. Словарь синонимов хакасского языка / Хакас тілінің синонимнер сөстігі. Авторы Кызласова И.Л., Чертыкова М.Д. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова». 2014. 228 с.
6. Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.В.Дмитриева. М.: Астрель – АСТ. 2003. 1582 с.
7. Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстігі: около 22 тыс. слов. Авторы: О.П.Анжиганова, Н.А.Баскаков, М.И.Боргояков, А.И.Инкижекова – Грекул, Д.Ф.Патачакова, О.В.Субракова, П.Е.Белоглазов, З.Е.Каскаракова, А.С.Кызласов, Р.Д.Сунчугашев, М.Д.Чертыкова. Под общей редакцией О.В.Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
8. Шамина Л. А. Изъяснительные конструкции со крепой деп в тувинском языке // Предложение в языках Сибири. –Новосибирск, 1989. С. 131–140.
9. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. 492 с.
10. Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия (verba sentiendi) в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – Москва. 1961. с. 294–321.

REFERENCES

1. Eryomina M.A. Obrazy sociuma v motivacionnoj semantike leni i trudolyubiya // Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya». 2017. №3. S. 63–69.
2. Eryomina M.A. Len' i trudolyubie v zerkale russkoj yazykovoj tradicii: Monografiya. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovskogo gos. universiteta, 2014. 204 s.
3. Kaksin A.D. Kognitivnye aspekty rekonstrukcii obraza cheloveka truda (po dannym hant'yskogo yazyka) // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 4. S. 182–196.
4. Levontina I.B. Homo piger // Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke. – М., 1999. S. 105–114.
5. Slovar' sinonimov hakasskogo yazyka / Hakas tiliniң sinonimner söstigi. Avtory Kyzlasova I.L., Chertykova M.D. – Abakan: Izdatel'stvo FGBOU VPO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N.F.Katanova». 2014. 228 s.
6. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Pod redakciej D.V.Dmitrieva. – М.: Astrel' – AST. 2003. 1582 s.
7. Hakassko-russkij slovar' – Hakas – orys söstigi: okolo 22 tys. slov. Avtory: O.P.Anzhiganova, N.A.Baskakov, M.I.Borgoyakov, A.I.Inkizhekova – Grekul, D.F.Patachakova, O.V.Subrakova, P.E.Beloglazov, Z.E.Kaskarakova, A.S.Kyzlasov, R.D.Sunchugashev, M.D.Chertykova. Pod obshchej redakciej O.V.Subrakovoj. – Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 s.
8. Shamina L. A. Iz'yasnitel'nye konstrukcii so skrepoj dep v tuvinskom yazyke // Predlozhenie v yazykah Sibiri. – Novosibirsk, 1989. S. 131–140.
9. Shmelyov A.D. Russkij yazyk i vneyazykovaya dejstvitel'nost'. – М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 492 s.

10. Yuldashev A.A. Glagoly chuvstvennogo vospriyatiya (verba sentiendi) v tyurkskikh yazykah // Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov. – Moskva. 1961. s. 294–321.

Список иллюстративных источников

- Ах – Ах тасхыл. Литература паза халых чарыдығлығ альманах. – Ағбан: Хакасиядағы книга сығарчаң издательство. 1992. 142 с.
- Аух – Чарков Сергей. Ах Ыўс хазында. Чоохтар. На Берегу Белого Июса. Сборник рассказов. – Абакан: Хакаское книжное издательство. 1994. 176 с.
- Қазақтың ... – Қазақтың мақал-мәтелдері – Казахские пословицы и поговорки. – Алматы: «Көшпенділер» баспасы. 2007. 240 с.
- П – Кильчичаков М.Е., Шульбаева В.Г., Митхас Туран, Котожеков Г.Г. Пьесалар. Выходы: сборник пьес. – Абакан: Хак. издат., 1991. 264 с.
- По – Писательлер – олғаннарға. Көглер, чоохтар, нымахтар. Писатели – детям. Песни, рассказы, сказки (на хакасском языке). – Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1988. 278 с.
- Пт – Митхас Туран. Пай тирек. Повесть. Ветвистый тополь. Повесть на хакасском языке. – Ағбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1981. 112 с.
- Х – Тюкпиеков Н. Хыстағда. Повесть. Чоохтар. Хормачы ойыннар. – Ағбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1977. 110 с.
- Хс – Хыйға сөс. Сиспектер. Сөспектер паза таптырғастар. Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки. – Абакан. 2014. 83 с.
- Чкч – Чарых күннің чирім. Солнечный мой край. Сборник художественных произведений хакасских авторов. На хакасском языке / Сост. А.Е.Султреков, Л.В.Челтыгмашева, Н.С.Майнагашева. – Абакан: Хакаское книжное издательство. 2007. 348 с.

Андатпа

Қоғамның тарихи дамуы адам өмірінің ең маңызды, сенімді шарты болып табылатындығын көрсетеді. Жұмыстың арқасында адам тұлға ретінде қалыптасады, білім мен дағдыларды игереді, өзін және туыстарын қолайлы өмір сүру жағдайымен қамтамасыз етеді, табиғи және әлеуметтік қажеттіліктерін қанағаттандырады, т.б. Мақала хакас тіліндегі «жалқаулық және әрекет етуді қаламау» мәні бар түрлі деңгейлі лексемаға лингвомәдениеттанулық тұрғыдан сипаттама беруге арналған. Зерттеліп отырған концептуалды кеңістік күрделі және біртекті емес жүйе болып табылады. Оның ішінде біз тілдік бірліктердің өзара байланысын және бірін-бірі толықтыратын екі моделін бөліп қарастырамыз: а) жалқаулық, адам мінезінің қасиеті ретінде; б) әрекет етпеу, адамның уақытша жағдайы ретінде. Коммуникативтік-прагматикалық деңгейде осы модельдерді ұсынатын лексикалық бірліктер жалпы және ерекше семантико-когнитивтік ерекшеліктерге ие.

Кілт сөздер: концептуалды кеңістік, жалқау, әрекет етуді қаламау, семантика, үлгі, хакас тілі.

(М.Д. Чертыкова. Хакас әлемінің тілдік бейнесіндегі «Жалқаулық және әрекет етуді қаламау» тұжырымдамалық кеңістігі)

Özet

Toplumun tarihsel gelişimi, insan yaşamı için en önemli ve belki de tek güvenilir koşulun iş olduğunu göstermektedir. Kişi iş sayesinde şahıs olarak temayüz eder, bilgi ve beceri kazanır, kendine ve akrabalarına uygun yaşam koşulları sağlar, doğal ve sosyal ihtiyaçlarını karşılar vb. Bu makalede Hakas Dilinde mevcut olan “tembellik ve isteksizlik” kavramları ilgili kelimeler üzerinde dil kültürbilimi bakımından durulmuştur. Çalışılan kavramsal alan karmaşık ve heterojen bir sistemdir. Dolayısıyla yazımızda dilsel birimlerin birbiriyle ilişkili ve tamamlayıcı iki modelini ayırt etmekteyiz: a) bir kişinin karakterinin bir özelliği olarak tembellik; b) bir kişinin geçici bir koşulu olarak hareket etmek istememesi. Bu modelleri iletişimsel-pragmatik düzeyde temsil eden sözcük birimleri hem genel hem de ayırt edici anlamsal-bilişsel özelliklerine sahiptir.

Anahtar Kelimeler: kavramsal mekan, tembellik, eyleme geçmeme, anlambilim, model, Hakas Dili.

(M. Chertykova, Hakas Dünyasının Dilsel Görüntüsündeki Tembellik ve Harekete Geçme İsteksizliğinin Kavramsal Genişliği)